

Л. М. МЛЕЧИН

Брежнев. Разочарование России

<Фрагмент>¹

Кадровая политика

Бывший член политбюро и секретарь ЦК Вадим Андреевич Медведев вспоминает, как, перебравшись из Ленинграда в столицу, обнаружил, что в центральных органах власти, в правительстве и в аппарате ЦК поразительно мало москвичей. Тон задавали напоористые провинциалы из разных кланов. Это было не случайностью, а результатом продуманной кадровой политики.

К власти пришла брежневская южная когорта, которую знающие люди делили на разные группы — днепропетровскую, молдавскую и казахстанскую — в зависимости от того, где тому или иному чиновнику посчастливилось поработать с Леонидом Ильичом. В особом фаворе были те, кто познакомился с Брежневым еще в годы его юности и молодости, когда он начинал свою карьеру в Днепропетровске.

В «днепропетровский клан» входили будущий глава правительства Николай Тихонов, заместитель главы правительства Игнатий Новиков, управляющий делами ЦК КПСС Георгий Павлов, министр внутренних дел Николай Щелоков, первый заместитель председателя КГБ Георгий Цинев. Все это были преданные Брежневу люди, его надежная команда. В Москве невесело шутили, что история России делится на три этапа — допетровский, петровский и днепропетровский.

Леонид Ильич не упускал ни одной возможности поставить на важный пост своего человека. Не забывал старых знакомых, помогал им, он вообще обладал завидным даром поддерживать добрые отношения с нужными людьми, и они ему преданно служили. А он нуждался в поддержке, особенно в первые годы, пока его позиции не окрепли.

Первый заместитель главы правительства Кирилл Мазуров вспоминал, что поначалу Брежнев просил членов президиума ЦК:

— Руководителю нужен авторитет, помогайте.

Подгорный рассказывал, как Брежнев напоминал, что во время его выступлений в нужных местах следует вставать и аплодировать, показывая пример залу:

— Может, это нехорошо. Но необходимо...

Леониду Ильичу понадобились годы на то, чтобы убрать из политбюро сильные и самостоятельные фигуры. Только тогда он смог успокоиться. А до того постоянно ждал подвоха от товарищей по партии. Он же помнил, как легко удалось снять Хрущева.

В 1965 году членом военного совета Московского военного округа стал друг Леонида Ильича с довоенных времен Константин Степанович Грушевой, получивший вскоре звание генерал-полковника.

Когда-то они с Грушевым вместе начинали в Днепропетровске, вместе ушли на фронт. Причем Грушевой раньше стал генералом и занял более высокое положение члена военного совета армии, затем фронта. В эвакуации в Алма-Ате их семьи жили вместе. После войны Грушевой тоже демобилизовался. Он был первым секретарем Измаильского обкома компартии Украины. В 1953 году его вернули на политическую работу в армии. Теперь уже Леонид Ильич обогнал его на карьерной лестнице. При первой возможности он сделал так, чтобы старый друг был рядом.

Председатель Совета министров РСФСР Геннадий Воронов хотел сменить одного из своих первых замов. Как положено, позвонил Брежневу. Тот сказал:

— Приходи.

Воронов назвал кандидатуру, но у Брежнева была своя: Николай Федорович Васильев, который двадцать лет работал в Днепропетровске, начинал директором подсобного хозяйства треста «Дзержинкстрой», а закончил председателем Днепропетровского облисполкома. Мнение генерального секретаря возобладало: Васильев был в феврале 1971 года назначен первым заместителем главы российского правительства.

На хозяина Днепропетровской области Алексея Федосеевича Ватченко жаловался даже первый секретарь горкома, писал на него заявления, обвиняя в хамстве и вопиющем бескультурье. Однако с хозяином любимого города Леонида Ильича ничего нельзя было сделать. Шелест пометил в дневнике, что «интеллигенция Ватченко просто ненавидит и прозвала его метко “унтер Пришибеев”».

Сам Петр Ефимович не был большим интеллектуалом. Если уж он кого-то называл хамом, то это, вероятно, было что-то невиданное. Ватченко ополчился на роман известного украинского прозаика Олеса Гончара «Собор», гневно говорил о его идейной

порочности и требовал, чтобы все экземпляры журнала с романом были изъяты из библиотек и уничтожены.

Ватченко добрался и до Брежнева. Леонид Ильич недовольно сказал секретарю ЦК Украины по идеологии Федору Овчаренко:

— Вы должны искать подход к интеллигенции, особенно писателям, которые создают нам трудности. Вот ваш Гончар опубликовал роман «Собор», в котором неверно изображается наша действительность...

Олесь Гончар получил Сталинскую и Ленинскую премии, стал одним из руководителей Союза писателей, и в романе не было ничего крамольного. На Украине все знали истинную причину недовольства романом со стороны первого секретаря Днепропетровского обкома.

«В “Соборе”, — писал Шелест, — выведен один руководящий деятель, который считает себя очень идейным коммунистом, но своего отца, старого кадрового рабочего металлургического завода, вышедшего на пенсию, чтобы избавиться от обузы, поместил в дом престарелых. Все факты совпали — действие происходит в Днепропетровской области. Родной отец Ватченко находится в доме престарелых. Ватченко груб, бескультурен, злоблив, кажется, что он ненавидит все человеческое».

Но мысли о Ватченко руководитель Украины держал при себе. Публично поддержал влиятельного первого секретаря обкома. Олесь Гончар тоже вел дневник, куда и записал:

«Был сегодня пленум ЦК Украины. Ватченко, днепропетровский ухоед № 1 (200 килограмм живого веса!) мешал с землей “Собор”. Обжора, сквернослов, отцопродавец. Он меня не удивляет. А Шелест! Позавчера сказал мне, что поскольку книжки еще не прочитал, то говорить о ней на пленуме не будет (сам пообещал, я его о такой “милости” не просил!). И... нарушил слово. Выступил. Поддержал днепропетровского обжору».

Алексей Ватченко получил золотую звезду Героя Социалистического Труда и стал в 1976 году председателем президиума Верховного Совета Украины.

Брежнев всегда радел за своих. В апреле 1974 года в Казахстане должны были избирать президента республиканской Академии наук. Возникло предложение сделать главой академии Аскара Кунаева, брата первого секретаря ЦК республики. Динмухамед Ахметович, соблюдая правила аппаратной этики, говорил, что он против.

Леонид Ильич ему помог. Он собрал у себя в кабинете Суслова, Кириленко, Черненко и заведующего отделом науки Трапезникова. В их присутствии Брежнев сказал Кунаеву:

— Не будь тормозом. Он ведь не виноват, что он твой брат.

Политес был соблюден. Спорить с генеральным секретарем Кунаев не мог. Назначение состоялось. Брат первого секретаря получил несколько республиканских госпремий. В 1981 году его избрали действительным членом Академии наук СССР по отделению физикохимии и технологии неорганических материалов. Он потерял свою должность, как только Динмухамед Кунаев перестал быть хозяином республики.

Стефан Могилат, который многие годы был помощником Арвида Яновича Пельше, члена политбюро и председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, вспоминал:

«При Брежневе вообще снизился уровень нравственных требований. Широкое распространение получило пьянство. Зимним холодом повеяло на обычную человеческую честность и порядочность. Зато прямо-таки летний сезон открылся для разного рода проныр и любителей поживиться за казенный счет. А в постыдной роли их защитников выступали подчас сам Брежнев и его подручный Подгорный...

В узкой компании как-то заговорили о том, как при Брежневе подбирались кадры. Бывший заместитель управляющего делами ЦК КПСС Михаил Иванович Кувшинов, человек осведомленный, сказал с усмешкой:

— Подбирались проще простого. Когда Брежневу предлагали ту или иную кандидатуру, он спрашивал: “А что он нам привозит?” И это “что привозит” служило проходным или непроходным баллом для кандидата...”

Известно множество примеров спокойного отношения Брежнева к людям, которые заботились о личном обогащении, нарушая законы и моральные нормы. Коррупция в брежневские времена приняла широчайший характер, поскольку вся жизнь человека зависела от армии чиновников. Сегодня размер тогдашних взяток кажется смехотворным, но ведь и уровень жизни был иным.

Министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева, по словам певицы Галины Вишневской, охотно принимала подношения от артистов:

«Предпочитала брать валютой, что могу засвидетельствовать сама: в Париже, во время гастролей Большого театра в 1969 году, положила ей в руку четыреста долларов — весь мой гонорар за сорок дней гастролей, так как получала, как и все артисты театра, десять долларов в день.

Просто дала ей взятку, чтобы выпускали меня за границу по моим же контрактам (а то ведь бывало и так: контракт мой, а едет по нему другая певица). Я от волнения вся испариной покрылась, но она спокойно, привычно взяла и сказала:

— Спасибо...»

Наступил момент, когда вся советская элита практически перестала работать и занялась устройством своей жизни.

— За что все начальники любили Брежнева? — рассказывал мне один из высокопоставленных сотрудников аппарата ЦК. — При нем можно было наслаждаться жизнью и не работать. Неохота на работу ехать, позвонишь руководителю секретариата: меня сегодня не будет — и отдыхай. Брежнев никогда за это не наказывал.

Высокопоставленные чиновники стали ездить за границу, посылали туда своих детей работать, с видимым удовольствием цивилизации, старались обзавестись ее благами. В Подмоскovie строились роскошные по тем временам дачи, на улицах Москвы появились новенькие иномарки. Чиновная знать охотилась за модной живописью и антиквариатом. Соблазнов у высокопоставленного партийного чиновника было хоть отбавляй.

— Я получал как первый секретарь горкома пятьсот рублей, — вспоминал Николай Егорычев. — Оклад давали к отпуску. Потом Брежнев давал еще оклад к Новому году. Денег никогда в доме не было, так что машину купить я не мог. Но меня это не огорчало, и мысли о том, как бы где-то что-нибудь получить, у меня не было. А ведь стоило только пальцем пошевелить. Помню, поехал на радиозавод, где освоили выпуск маленьких транзисторных приемников. Осмотрел производство, мне понравилось, как они работают. Похвалил директора. Попрощались.

Когда шел к машине, увидел, что вокруг нее крутятся какие-то люди. Спросил шофера:

— Что такое?

— Сувениры для вас в багажник положили.

Егорычев повернулся к директору. Он, улыбаясь, сказал:

— Это образцы нашей продукции, Николай Григорьевич.

Егорычев ему жестко сказал:

— Немедленно все забирайте назад. И имейте в виду: мое мнение о вас сейчас резко ухудшилось. Если узнаю, что вы кому-то что-то даете, мы вас снимем с работы.

Московский горком и обком располагались в одном здании на Старой площади. Но в областном комитете нравы были другие. Известно было, что в аппарате Московского обкома высокопоставленные чиновники не отказывались от материальных благ, которые подносили угодили не регулярные. Из лучших хозяйств области высшим руководителям регулярно подвозили свежие продукты особого качества.

После смерти жены первый секретарь Московского обкома Василий Иванович Кюнотоп женился на своей секретарше. Гово-

рили, что она спешит взять от жизни все. Конотоп был жесткий, властный, авторитарный человек, не терпел возражений и споров. Он ревниво относился к тем, кто был посильнее как работник, и постепенно выживал из аппарата самостоятельных людей, которые могли составить ему конкуренцию. Действовал аккуратно, методично, так, что не придерешься.

Василий Конотоп умело расстался с секретарем обкома по сельскому хозяйству Евгением Ивановичем Сизенко, которого собирались послать советником в какое-то третьеразрядное посольство, а потом все-таки сделали первым секретарем в Брянске.

Конотоп избавился и от другого секретаря по сельскому хозяйству — Валентина Карповича Месяца. Его назначили первым заместителем министра сельского хозяйства России, что было явным понижением. Впоследствии и Сизенко, и Месяц все-таки сделали карьеру. Сизенко стал союзным министром мясо-молочной промышленности, Месяц возглавил союзное Министерство сельского хозяйства, а в 1985 году, когда к власти пришел Горбачев, сменил Конотопа на посту первого секретаря Московского обкома.

Конотоп довел несколько человек до тяжелых сердечных приступов, ставших причиной их смерти. При этом Василий Иванович требовал к себе почтения и уважения. Один из руководителей московского управления КГБ рассказывал мне, как после приема в Кремле нескольких областных начальников поехали к одному из них домой — добавлять: мало показалось. Крепко выпили, и все один за другим стали произносить здравицы в честь Конотопа, который с удовольствием это слушал. Один из секретарей обкома произносил свой тост, стоя на коленях перед Конотопом.

В другой раз областное начальство съехалось поздравить первого секретаря с юбилеем. Славили, пили, закусывали. Ближе к ночи все смотрят — уже поздно, надо расходиться. Стали подниматься, тут Конотоп как закричит:

— Куда пошли? А ну назад! Сидеть и пить! Я скажу, когда можно будет расходиться.

И никто не решился уйти.

На чем Конотоп держался? На умении услужить начальству, быть полезным. Все, что предлагал Брежнев, исполнял беспрекословно.

Любовь чиновников к советской власти объяснялась возможностями, которые она перед ними открывала. В другой политической системе люди столь невысоких деловых качеств едва ли могли рассчитывать на большую карьеру. Советская власть наделяла амбициозных и тщеславных чиновников неограниченной властью над людьми, давно уже немыслимой в других обществах. Уверен-

ность в своем величии подкреплялась системой распределения благ в Советском Союзе, доступных только тем, кто занимал высокий пост. И это придавало дополнительную сладость принадлежности к высшему кругу избранных.

Нам можно, а вам нельзя — вот важнейший принцип жизни. Железный занавес — запреты на поездки за границу, иностранные газеты, книги и фильмы — нужен был прежде всего для сохранения собственной власти. Себе, своим детям и родственникам высшие чиновники разрешали все.

Члену политбюро и секретарю ЦК полагалась охрана, «ЗиЛ» с радиотелефоном и большая дача с обслуживающим персоналом: два повара, четыре официантки, два садовника. На даче — кинозал, библиотека, теннисный корт, сауна, оранжерея, сад.

«Дачи располагались в районе к западу от столицы вдоль Москвы-реки, — писал бывший заведующий общим отделом ЦК Валерий Иванович Болдин. — Это были, как правило, современной постройки виллы, расположенные обычно на участках соснового леса размером до пятидесяти гектаров. К виллам пристроили бассейны и сауны...

Кроме подмосковных дач в курортных местах существовали для членов руководства виллы и дворцы, оставшиеся еще с царских времен. Практически для каждой семьи имелась своя курортная дача, и тем не менее строительство их продолжалось».

Восемьсот рублей — такова была зарплата всех секретарей ЦК, включая генерального. В 1974 году Леониду Ильичу прибавили пятьсот рублей, в 1978-м еще двести. Но деньги как таковые никого не интересовали, потому что покупать, собственно, было нечего, все выдавали или бесплатно, или платить приходилось сущие пустяки.

Секретарь ЦК получил возможность заказывать продукты на спецбазе на сумму двести рублей (членам политбюро выдавали харчей на четыреста рублей, кандидатам в члены политбюро — на триста), но эти цифры ничего не говорят, потому что цены на спецбазе были мифически ничтожные. Получаемых на базе экологически чистых, проверенных врачами продуктов с лихвой хватало и на большую семью, и на то, чтобы достойно принимать гостей.

Для членов политбюро и секретарей ЦК готовили отдельно. У всех были личные повара. На каждый день под наблюдением врачей-диетологов составлялось обширное меню. Оставалось только пометить, что высокое обслуживаемое лицо желает сегодня съесть. К столу каждое блюдо доставлялось в опломбированных судках.

Членам политбюро полагался семейный врач, который постоянно наблюдал пациента и в случае необходимости призывал на помощь любых специалистов...

Эта система существовала не только в Москве. Местные начальники жили в специально построенных для них домах с квартирами, как тогда говорили, «улучшенной планировки» или занимали целые особняки. Им делали мебель в экспериментальных цехах мебельных фабрик буквально за копейки. Одежду шили в ателье по смехотворным ценам. В этой империи существовали спецбазы продовольственных и промышленных товаров, ателье, мебельные спеццеха и даже аффинажный заводик, где женам начальства делали золотые кольца и другие ювелирные изделия.

В столицах союзных республик система была такая: семьи секретарей республиканского ЦК составляли список того, что им нужно — от свежей клубники до икры, — и заказанное со специальной базы доставляли на дом. И еще каждый хозяин республики, края и области как мог украшал собственную жизнь.

Сотрудник управления КГБ по Закарпатской области Иосиф Леган вспоминал, как получил указание от начальника управления выехать на правительственную дачу в село Камяница Ужгородского района и организовать питание для хозяина Украины Петра Ефимовича Шелеста. На дачу, где должен был остановиться Шелест, доставили шеф-повара ресторана «Верховина», официанта из ресторана «Киев», официантку из столовой облисполкома и врача из санитарно-эпидемиологической станции, хотя все продукты поступали только из спеццехов. Красную рыбу и икру Шелесту доставляли из Астрахани и с Дальнего Востока, колбасы и мясо — из Москвы и Ужгорода, пиво — из Львова, вина — из Закарпатья. Живых раков самолетом привезли из Николаевской области.

Отдыхом ведал лично начальник 9-го управления КГБ Украины. Один из охранников отвечал за гардероб Шелеста, следил, чтобы все было вовремя постирано и выглажено.

Рядом с двухэтажной дачей были теннисные корты, волейбольная площадка и бассейн, в котором разводили форель. Обычно ее обильно кормили. А когда приезжало высокое начальство, кормить переставали, поэтому ловилась форель бесподобно. Рыбалку организовывали секретари обкома. Шелесту вручали удочку, областной секретарь насаживал на крючок червя, после чего Петр Ефимович забрасывал крючок в бассейн. Рыба клевала мгновенно, Шелест тянул удочку. Тот же секретарь обкома, не жалея выходного костюма, бросался за рыбой, снимал с крючка и восхищенно говорил:

— Петро Юхимович, вы першим пиймали рыбу, який ви професійний рибак! Дивитися, вона важить не менше двух кілограмів...

У остальных почему-то не клевало, так что Шелест был доволен вдвойне.

Генерал-майор Геннадий Александрович Федяев начинал службу в львовском областном управлении КГБ:

«Помню, как во Львов приезжал первый секретарь ЦК КПУ П. Е. Шелест. Нашему отделению досталась забота о безопасности сопровождавших его лиц. Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что в товарном вагоне спецпоезда приехала корова, которую обслуживали ветеринар и доярка. Шелест пил “спецмолоко” только от этой спецкоровы».

Барство наших властителей, возмущающее общество сегодня, зародилось именно тогда. Сейчас сильные мира сего строят замки и заказывают себе яхты, а тогда гоняли спецпоезд со спецкоровой...

Часто возникал вопрос, как мог умный, тонкий и образованный человек служить в аппарате, обслуживать откровенно малограмотных и недалеких вождей? Это щедро компенсировалось материальными благами и привилегиями.

Галина Ерофеева описала жизнь брежневского помощника по международным делам Андрея Александрова-Агентова. Они были знакомы не одно десятилетие. Ее муж, дипломат Владимир Иванович Ерофеев, работал с Андреем Михайловичем в Швеции:

«Машина с водителями, комфортабельная дача круглый год с превосходным питанием в дачной столовой за символическую плату, “кремлевская столовая” на улице Грановского, отдых в лучших цековских санаториях, в том числе и “у друзей” за рубежом. Потекли ручейки всяческих подношений из различных краев и республик, которые хозяйка дома иногда демонстрировала нам.

И наши старые знакомые, жившие до этого весьма скромно, откровенно упивались открывшимися перед ними райскими возможностями, хотя и любили говорить, что “ничем не пользуются”, имея, очевидно, в виду то, что они могли бы намного расширить сферу своих возможностей».

Леонид Ильич щедро вознаграждал своего помощника за труды — сделал его членом ЦК, депутатом, дал Ленинскую и Государственную премии, присвоил звание чрезвычайного и полномочного посла.

«Александровы были оригинальной парой, — пишет Галина Ерофеева. — Он — из интеллигентной семьи, внук царского генерала. Ее родители — рабочие, сумевшие воспользоваться тем, что подарила революция смекалистому человеку из низов. Переселились в петербургскую квартиру, принадлежавшую некогда барам, неплохо устроились на работе. Дочку учили музыке, языкам... Их связали общие занятия на филологическом факультете, недюжинные способности к языкам, но главное — любовь.

В отличие от пуритански воспитанной большей части homo soveticus, боявшейся произнести вслух слово “секс”, они не скрывали истинного к нему интереса, заявляли открыто о его первостепенной важности в жизни человека. Маргарита особенно любила завести разговор о прелестях любовных утех. Как-то показала нам семейный альбом со своими многочисленными фотографиями “ню”.

Наблюдая за их жизнью, можно было легко представить, как прекрасно они вписались бы в круг среднего класса той же Швеции, которую они оба нежно любили. Впрочем, и в Москве их образ жизни со времени работы А. А. в высших сферах власти стал похож на буржуазный: огромная пятикомнатная квартира на улице Горького, обставленная стильной мебелью, с диванным гарнитуром, обитым шелковым штофом, многочисленные украшения в виде бронзовых или фарфоровых статуэток, хрусталь и картин завершали вид богатого, процветающего дома...

Приобретения были не только увлечением, но истинной страстью хозяйки. Трудности нашей жизни открывали неожиданные возможности. Оказывается, можно было поделить талонами в “кремлевскую столовую” с вдовой престижного художника и задешево приобрести его картины, которым нашлось бы место в небольших музеях...»

Пристрастия и интересы, образ жизни, быт высших чиновников государства — все было ориентировано на максимально комфортное устройство собственной жизни, извлечение максимальных благ из своей должности. А необходимость по долгу службы произносить ритуальные речи о коммунизме только усиливала привычку к двоемыслию и воспитывала безграничный цинизм.

<...>

* * *

Леонид Ильич Брежнев стал первым лицом в государстве под аплодисменты, а ушел, провожаемый насмешками. Прошли годы. Отношение к нему меняется. Одни полагают, что Леонид Ильич был никудышным руководителем и довел страну до беды. Другие уверены, что любой иной на его месте принес бы стране куда большие несчастья, а он все-таки был человеком не злобным, не мстительным. Третьи уверены, что он был много лучше своих наследников, погубивших великую страну.

Чем дальше уходит та эпоха, тем больше тех, кто воспринимает Брежнева как символ утерянных спокойствия и надежности, стабильности и справедливости — всего того, чего сильно не хватало нашему народу на протяжении последних лет. Торжествует такая точка зрения: брежневские времена были совсем не так плохи,

страна успешно развивалась, и сейчас проживаем брежневское наследство, а недостатки можно было исправить...

В реальности все восемнадцать лет его правления происходил упадок страны, который мог стать необратимым. Характерно, что самые умные и образованные представители советской элиты не могли предложить реального выхода из стагнации. Все идеи вертелись вокруг частичных улучшений. Система казалась вечной, непоколебимой, несокрушимой. Но она была таковой только до того момента, пока оставалась цельной. Стоило изъять один элемент, как все стало рушиться...

Вот почему искать опору в недавнем прошлом, искать что-то позитивное в брежневской эпохе бессмысленно. Это прошлое и есть почва нынешних неудач. Во время съемок телевизионного ток-шоу «Суд времени» об эпохе Брежнева, то есть на тему, казавшуюся чисто исторической, зал внезапно взорвался. Такого накала эмоций не припомню. Несколько меланхолическая аудитория превратилась в возбужденную толпу. Люди, которые обыкновенно спокойно слушают дебаты историков, кричали, что при Брежневе все было прекрасно, жили чудесно: детские сады, пионерские лагеря, бесплатное образование и медицина, квартиру можно было получить!..

В зале сидели самые разные люди, в том числе и те, кто родился и вырос уже после смерти Леонида Ильича. Полагаю, что если бы, не дай бог, они все хотя бы на день вернулись в то время, то пришли бы в ужас. Но они же говорили вовсе не о Брежневе, а о дне сегодняшнем! Выплеснулось раздражение и недовольство нынешней жизнью. Честно говоря, я даже не предполагал, что они так велики.

